

ЮРИЙ ПИОНЕРОВ

ЛЕВ СТАРОВ

ГРАЧ

НАЗАД В 90-е

ТОМ 4

Юрий Пионеров
Грач. Назад в 90е Том 4

«Автор»

«Автор»

2026

Пионеров Ю.

Грач. Назад в 90е Том 4 / Ю. Пионеров — «Автор», «Автор»,
2026

В день своего пятидесятилетия Данила Грачёв отдал за кекс последнюю мелочь: его торговую империю забрали люди, которым он доверял. А утром он проснулся двадцатилетним. На кухне мать печёт пирожки, отец бережёт девять тысяч на «Жигули», за окном — ноябрь 1991-го. Через пятьдесят два дня эти деньги почти ничего не будут стоить. Данила знает, что случится с ценами. Но знание не купишь в магазине и не предъявишь вместо денег. Есть дембельские триста рублей, голодный друг Бугай с плечами грузчика и сестрёнка, которая требует расписку даже за четырнадцать рублей. Есть ещё отец: он лучше доверит сыну сварочный аппарат, чем семейные сбережения. За несколько недель Даниле нужно превратить эту горсть рублей в дело, которому поверит отец. И сделать это на рынке, где каждый удачный товар замечают быстрее, чем успеваешь пересчитать выручку. Успеет ли Грач занять своё место — прежде чем его займут другие?

© Пионеров Ю., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Грач. Назад в 90е Том 4

Глава 1

Я достал из сумки меченую Шнурковскую пачку, которую утром собирал на перроне, вынул из неё одну сторублёвку и положил на клеёнку прямо перед стволом, галкой вверх.

— Смотри на купюру, Кузя. — Я расправил угол купюры и придвинул её ближе к лампе. — Твой человек всё лето носил тебе мои деньги. И мою пятницу.

Рука Кузи замерла на рукоятке, а палец у спусковой скобы остановился. Кузя смотрел на купюру и на маленькую аккуратную фиолетовую галку на водяном знаке, и в его глазах пошёл вопрос. Не про выстрел, а другой: кто кого вёл этим летом.

— Мало ли галок. — Кузя подцепил угол купюры ногтем и заглянул под него. — Нарисуешь что хочешь. Достал при мне, при мне и нарисовал. Думаешь, я дурак?

Рука его осталась на ТТ. Он держался за последнее: за то, что я всё выдумываю, что это мой карандаш, моя купюра и моя сказка. Если это моя сказка, тогда Шнурок его человек, тогда пятница была его пятница, тогда Вадик вот-вот придёт.

— Верно. — Я отдернул руку от купюры и повернулся на табурете к ящику. — Одну нарисовать при тебе я мог. Позволишь проверить?

— Что проверить? — Кузя потянул купюру на себя и прикрыл галку большим пальцем.

— Твою кассу. Раз ты не дурак, посмотри сам. — Указал под столешницу и подался вперёд.

Я протянул руку не к пистолету, а к ящику его стола. Ящик кассы находился под столешницей и открывался к Кузе. Я наклонился через стол, взялся за боковую стенку и выдвинул ящик к нему. Кузя смотрел, как я лезу к его деньгам. Он мне не мешал, потому что ему было интересно, а пистолет был у него. Ящик выехал. В нём лежала вчерашняя выручка второй половины площади, десятки, полсотни и сотни кучей, без пачек: Кузя сгребал её вечером не считая, потому что ждал ночи.

— Лезь. — Кузя упёрся локтем в стол и показал подбородком на ящик. — Лезь, я посмотрю, как ты по моим карманам шарить.

Я стал перебирать сотни, одну за другой, и смотрел в угол каждой, на водяной знак. Кузя смотрел, как я смотрю. Контейнер молчал, снаружи звякнул ящик, кто-то из торговцев уронил его, и снова стало тихо. На четвёртой сотне была фиолетовая галка. Я вынул купюру и положил на стол рядом с первой. Потом ещё одну, с такой же галкой, и положил рядом. Потом ещё.

— Раз. — Я раздвинул три найденные сотни и провёл пальцем от первой к третьей. — Два. Три.

Три сторублёвки из его собственного ящика, и на каждой, на том же месте, стояла та же свежая фиолетовая галка. Это были деньги из кассы моего ларька у проходной, которые Шнурок с четвёртого июля носил сюда из разменных денег после смены. Галки ставил я сам, каждый вечер, при фонаре у гаража, а Шнурок вынимал сотню-другую из оставленного размена и носил, и Кузя клал к себе в ящик и не смотрел, что кладёт. Четыре купюры лежали на клеёнке в ряд: одна из Шнурковой пачки и три из Кузиной кассы.

— Одну я мог нарисовать при тебе. — Я положил ладони по обе стороны купюр и откинулся, давая ему рассмотреть. — Три из твоего ящика не мог. Ты сам их клал. Я их тебе каждый вечер считал, Кузя, а ты не смотрел.

Кузя молчал и глядел на ряд купюр. Я достал из сумки розоватый картонный корешок и положил его рядом: «ГОРЬКИЙ-МОСК.», «24.07.92», «23:40».

— А это — чтобы ты его больше не ждал. — Я повернул корешок к Кузе и убрал с него руку.

Кузя взял корешок двумя толстыми пальцами с перстнем-печаткой на мизинце и поднёс его к лампе, к самому стеклу, к жёлтому свету. Губы у него сложились цифры беззвучно, как складывает их кассирша над чужой сдачей: двадцать четвёртое, двадцать три сорок, Москва. Потом он поднял глаза от корешка, мимо меня, на порог контейнера и полосу солнца в щели створки, туда, где в понедельник стоял сам и показывал своим пятерню. Он смотрел на этот порог секунд пять, и под рыжей щетиной у него ходил желвак.

— За сигаретами. — Кузя сжал край корешка и выдохнул, глядя на порог. — Он сказал — за сигаретами. Шнурок бежит, а он мне: я его за сигаретами.

— Двадцатого, Кузя, в четыре часа десять минут. — Я постучал пальцем по дате и дождался, пока он переведёт глаза на билет. — Шнурок купил билет на эту пятницу в кассовом зале на деньги Вадика. Я стоял в Люськиной весовой и смотрел, как он бежит. А вчера в девять Вадик отдал ему корешок вместо расчёта и сказал: «Пересиди у тётки».

— Брат, говорит, — прошептал Кузя. Корешок дрожал у него в пальцах. — Я же ему руку жал. На этом пороге. Всё лето через мою же кассу, через мою же... — Он перевёл глаза на четыре купюры с галками, на ветровку и опять на корешок. — А он в одиннадцатом часу: гляну, говорит, на ларёк, как пойдут. Гляну.

Он положил корешок на стол рядом с купюрами и убрал правую руку с ТТ. Потом взял пистолет уже не как оружие, а как вещь, которую надо убрать со стола, вынул магазин, оттянул затвор, и патрон выскочил из патронника, звякнул о клеёнку, покатился к краю стола и упал под стол, звонко, как монета. Кузя не стал его поднимать. Он заглянул в пустой патронник, положил ТТ и отдельно магазин в ящик кассы, поверх вчерашней выручки, и задвинул ящик с деревянным стуком. Потом сел и посмотрел на ветровку племянника.

— Забирай. — Он отодвинулся от стола, опустив руки на колени.

Он сказал одно слово. За стенкой контейнера, на второй половине площади, кто-то из торговцев уронил на асфальт ящик, и звякнули бутылки.

Корешок я оставил на столе и четыре купюры рядом с ним, рядом с газетным свёртком «за племянника», который Кузя так и не убрал. Пусть лежат: Кузе их теперь читать одному. Ветровку я забрал вместе с замком, потому что Костину в семь они были нужны, и встал с табурета. Кузя сидел, опустив голову, и смотрел на клеёнку: рыжая щетина, мятая рубашка, красные глаза. Большой человек вдруг стал меньше стула, на котором сидит.

— Бывай, Кузя. — Я поправил ремень сумки и шагнул к двери.

Он не ответил. Я вышел.

Солнце ударило в глаза так, что я зажмурился. После жёлтой лампы, темноты контейнера и бензиновой духоты утро было белым и огромным, а от контейнера на асфальт падала длинная синяя тень до самых рядов. У двери стоял Гиря и смотрел на часы.

— Семь минут. — Он поднял запястье и объявил громко, на всю дверь, на Лося, на человека с родинкой и на торговцев у рядов.

— Я тоже насчитал семь. — Лось посторонился, пропуская меня, и растерянно выговорил. — С секундами.

— И я семь. — Человек с родинкой подвинулся к Лосю и заглянул на часы.

— Значит, семь, — сказал Мазай и хмыкнул. Он посмотрел на меня, потом на створку, откуда я вышел. Бита осталась в кабине, руки у него висели пустые и готовые. — Ну? Забрал?

— Забрал, Олег. Всё. — Встал рядом с ним и посмотрел на всю вторую половину.

— А Кузя? — Мазай наклонился к двери, пытаясь рассмотреть хозяина за столом.

— Сидит. Считает. — Отступил в сторону и пропустил его к проёму.

Лось отошёл от створки на шаг, потом ещё на шаг, посмотрел внутрь, на Кузю за столом, потом на меня и отвернулся. Человек с родинкой посмотрел на Лося и тоже отошёл. Торговцы второй половины стояли у рядов с ящиками в руках, с джинсами на верёвках, с совками над мешками семечек. Они молчали и смотрели на меня.

— Кто теперь? — Кто-то в рядах подался ко мне и тихо спросил; я не разобрал, Вован или баба с семечками.

Им теперь предстояло решать, у кого брать товар.

Мне хотелось лечь прямо здесь, на асфальт у контейнера, на тёплый, в синюю тень, и спать до обеда. Ночь без сна, засада, отделение, три километра по шоссе, перрон, поле, депо и Кузя разом легли на плечи тяжёлые и тёплые, как мокрая шинель после караула. А ноги держали. Двадцатилетние ноги стояли на асфальте и держали и колено с дырой в штанине, и спина, и шея, с которой я снял стетоскоп. Я стоял и чувствовал, что могу развернуться и побежать к вокзалу, могу через весь город до Сормова, могу хоть до Москвы за ночным поездом.

Пятидесятипятилетний мужик внутри меня посмотрел на это и усмехнулся. «Ну-ну, — сказал он. — Беги, сынок. Кого догонять-то собрался? Всех уже догнал».

Гиря смотрел на свои часы: шесть двадцать две. Он улыбался, как ребёнок, и будет рассказывать эти семь минут всей бригаде сегодня, завтра и через год, как стоял у двери с часами, как Лось смотрел на его часы и как вся площадь считала вместе с ним.

Я посмотрел через площадь, через кольцо, на первую половину, где у метро стояли мои раскладушки и Серый так и держал в руке пачку чая, а потом на вторую, где торговцы молчали у рядов. Вся площадь у Московского вокзала лежала передо мной, залитая утренним солнцем, и принадлежала мне целиком.

Костин подъехал к торговым рядам ещё до семи. Я отдал ему ветровку Кузёнка и сорванный замок. Он взял их, но уезжать не спешил.

— Следователь Зубарев дело забрал. — Майор перекинул ветровку через локоть и придержал вложенный в неё замок. — С утра уже пишет: поджог Грачёв устроил, чтобы у Кузьмы площадь отнять. Ларёк пустой, пожарный за углом, бандиты наготове. Слишком красиво у тебя получилось, Данила Павлович.

— Пацан мою фамилию назвал? — Развернулся к нему и спросил, поглядев на замок.

— Пацан сказал: «Мне заплатили». Кто платил, ещё вспомнит. Зубарев умеет помогать памяти. — Майор отвёл меня от рядов и понизил голос.

Костин протянул сложенный вчетверо лист. Копия протокола допроса Кузёнка. Между чужими фамилиями стояла моя.

— Я тебе патруль обещал, а не оправдательный приговор. — Он разгладил сгиб листа и ткнул пальцем в мою фамилию. — Как следователь спросит, почему ты заранее всё приготовил, отвечать сам будешь. А завтра в десять ещё осмотр на кольце. Готовь бумаги.

Я убрал копию в брезентовую сумку. Суббота пахла мокрым асфальтом, свежим бензином и чьей-то дешёвой сигаретой. Кузя уже отдал мне площадь, а Зубарев мог теперь забрать и площадь, и меня — одной строчкой в чужом протоколе. Я не платил Кузёнку и не посылал его жечь свой ларёк. Но повторять это следователю, который сам выбрал виновного, значило торговать правдой у человека с закрытой кассой. Мне нужна была бумага. Такая, за которой следователь идёт быстрее, чем за деньгами.

Гиря подогнал пустой «ГАЗон» к узкому проходу между рядами — по утру в ряды забирали ящики после задержания Севы. Он вылез, посмотрел на мою мокрую рубашку и достал из кабины старый бушлат.

— Надень, Данила. Пожалуйста. Вы же всю ночь на ногах. — Он встряхнул бушлат и расправил ворот.

Солнце грело лицо, а меня после ночи без сна трясло. Я надел бушлат, расправил рукава и оставил его растёгнутым. Гиря кивнул в сторону тележки:

— Даня, вон Женька. У него ящик. — Гиря указал на проход и отступил, открывая мне вид на тележку.

Женька, коренастый, в промасленной безрукавке, стоял у тележки, на которой лежал синий ящик с бирками. Ящик был привязан цепью. На цепи, среди ярлыков, болтался жестяной

брелок, потемневший от времени. Лось стоял рядом. Он ещё после шести двадцати не отходил от рядов: его позвали не как бойца, а как человека, которому некуда деться и который не умел делать вид, что не видит.

— Лось. — Я подошёл к Лосю и встал рядом с тележкой. — Сева?

— Сева. — Лось посмотрел на связанные цепью углы и ответил. — Сидит. Женька его ящик на базу везёт. В ящике папка. Зубарев про папку спрашивал.

— Какая папка? — Заглянул поверх ящика и переспросил.

— Его. Бумажная. С расписками. — Лось указал подбородком на будку и замолчал.

Я не знал ни папки, ни расписок. Про Севу Гулько Лось только что сказал: сидит. Зубарев интересовался его бумагами. Если в них было хоть что-то, от чего следователь терял сон, я должен был увидеть это раньше, чем папка уедет на базу. Лось произнёс это просто, как человек, который видит ящик, цепь и двух торговцев, которые боятся одного слова. Женька стоял, как человек, который хочет увезти ящик до того, как слово станет делом.

— Женька, — позвал я, дожидаясь, пока он обернётся.

Тот вздрогнул, обернулся, и лицо его стало быстрым и пустым, как у человека, который уже придумал, куда девать товар.

— Даня. Грач. Я по накладной. — Он взялся за ручки тележки и встал спиной к ящику.

— Я вижу по накладной. Откуда папка? — Обошёл его сбоку и остановился у колеса.

— От Савельича. Он мне сказал: вывезти, пока ворота базы открыты. А ящик не мой. — Женька приотпустил ручки и отодвинул локоть от моей груди.

Из будки весов высунулся Савельич: нестарый ещё, но уже с брюшком и с глазами, вечно ищущими, куда бы спрятать чужую вину. В руках он держал брезентовый шнур, как будто ящик мог убежать.

— Савельич. — Я повернулся к будке и позвал его погромче. — Что в папке?

— Ничего моего. — Он зажал шнур в кулаке и ответил поспешно. — Чужое. Зубарев не велел.

— Зубарев не велел? — Я шагнул от тележки и переспросил.

— Сева просил. — Савельич поправился, заматывая шнур вокруг ладони. — А Зубарев говорил: если что про машину — не вытаскивать.

— Про какую машину? — Я подступил к нему и спросил.

Женька хмыкнул.

— Про свою, Даня. Сева на ней ездил. А ездит Зубарев. — Женька вытер пальцы о безрукавку и ответил, глядя на Савельича.

Тут я и поймал ниточку. Папка была не в кармане у Женьки, а в ящике, который собирался уехать. Жетон на цепи говорил, что ящик не просто хлам.

— Папку покажи. — Я обошёл Женьку и показал на цепь.

— Не покажу. — Савельич прижал шнур к животу и попятился к будке. — Это не для глаз.

— Для Зубаревых глаз? — Удержал его за рукав и повернул к ящику.

— Для Зубаревых. И для моих. Мне и так влетит, если ящик поедет без описи. — Он освободил рукав и заговорил, не отходя от меня.

Гиря посмотрел на свои наручные часы «Полёт».

— Семь ноль ноль. До отхода из рядов сто восемьдесят секунд. В семь ноль три я уеду отсюда загруженным «ГАЗоном»; до ближней базы две минуты, утренний рейс там примут до семи ноль пять. Папка остаётся у Савельича. Отправим ящик — и он спрячет её под замок каптёрки, а ты уже не достанешь. — Гиря поднял часы к глазам и развернулся к Савельичу.

Женька, который катил тележку к будке, помрачнел:

— Тогда быстрее. У меня не графиня ждёт. У меня погрузка. — Женька взялся за ручки крепче и поторопил Савельича.

— Тогда грузим ящик после описи. — Я загородил проход и протянул ладонь к Савельичу.

Савельич побледнел.

— Грач, ты чего? Я не вор. — Он тряхнул шнур и отступил к будке.

— Ты и не будешь. — Я удержал ладонь протянутой и показал Гире на кабину. — Если сейчас всё будет правильно. Гиря, бери бумагу.

Гиря молча достал из кабины блокнот и карандаш. Ручка опять куда-то закатилась на борту. Лось, увидев это, сделал шаг к ящику и, не задев ни Женьку, ни Савельича, своей ладонью остановил тележку от качания.

— Савельич. — Я подвинулся к Савельичу и опустил ладонь, чтобы он не шарахался. — Папку я у тебя не отберу, но дай увидеть бумаги. Если там есть лист с распиской — возьму этот лист, с распиской. Мне нужен один листок, а тебе нужна бумажка. Напиши: папку показал, лист выдал. Не в город, а мне. Я не Зубарев, но я здесь не последний.

— А если Зубарев спросит? — Савельич оглянулся на пустой проход и подался ко мне.

— Скажешь: «Грач забрал лист, а свою расписку оставил». Тебе поверят? Может, нет. Но у тебя будет моя расписка. Это не палочка-выручалочка, а след. След всегда лучше пустоты. — Указал на Гирин блокнот и позвал Савельича к ящику.

Савельич теребил шнур. Гиря сверил часы над будкой.

— Осталось сто пятьдесят. — Гиря опустил руку с часами и переступил с ноги на ногу.

Счёт вёл Гиря, не Женька и не я.

— Папку. — Я подставил ладонь и потребовал, не отступая от ящика.

Савельич открыл замок ящика, и цепь звякнула. Внутри лежали пакеты с колготками, два ржавых ножа, чек на три рубля, недопитая фляга и дерматиновая папка. Папка была не новая, с надрывом. Савельич не хотел трогать её. Он сунул было руку туда, но тут же отдёрнул, будто в папке было не бумажное, а живое.

— Дай я. — Я протянул руку и указал на дерматиновый край.

Он подал так, будто я просил не бумагу, а чужое сердце. Я раскрыл папку. Сверху легли товарные описи, квитанции, два счёта и карточка с фамилией Гулько. Под торговыми бумагами нашлась двойная расписка: два отдельных листа, вложенных один под другой, верхний как основа, нижний как дубль. Строки были такие, что у меня внутри всё поднялось, хотя на лице я, наверное, показал только скуку.

Глава 2

«Получил от С. Гулько автомобиль ВАЗ-2109 госномер... Обязуюсь вернуть/оплатить...
Подпись: Зубарев Г.П.»

Подпись не была отштампованной. Она была живая, косая, с хвостиком у последней буквы, будто человек, расписываясь, торопился или жалел. Я не знал раньше, что Зубарев писал расписку по чужой машине. Я видел это только теперь. И видеть было мало: нужно было понять, где оригинал, где дубль и кто из этих двоих живёт опаснее.

— Это копия? — Я сопоставил подписи и указал на нижний лист.

— Дубль. — Савельич придержал верхний лист и показал мне вторую подпись. — Зубарев расписался на обоих экземплярах. Верхний я держал как основу, нижний не трогал. Мне папку дали на хранение до вывоза ящика.

— Дата? — Наклонился к листам и приподнял загнувшийся угол.

— Восемнадцатое июня. — Он провёл ногтем под цифрами и отнял руку.

Я видел в папке два экземпляра: верхний и нижний. Подписи выглядели одинаково косыми, с хвостиком у последней буквы, но я не стал бы называть это экспертизой. Савельич сказал, что расписывался Зубарев — это был только след, не доказательство. На обоих стояло восемнадцатое июня, ВАЗ-2109 и номер совпадали. Я отделил нижний лист, положил его перед собой на тележку, но пока не присвоил; верхний вернул в папку и подвинул её Савельичу. Пусть оригинал останется с ним, пока он не решился.

— Сто двадцать. — Гиря сверился с часами и выставил два пальца.

Женька дёрнул цепь. Ящик качнулся. Лось не повысил голос.

— Не трогай. — Лось упёрся ладонью в ящик и удержал качнувшуюся тележку.

— Это не он. — Савельич схватился за цепь и быстро заговорил. — Это ящик тяжёлый.

— Ящик не сам себя вывезет. — Я заслонил Женьке ручки и развернулся к нему. — Женька, жди.

— Даня, мне график. — Женька потянулся мимо меня и стиснул ручку.

— График у тебя по подписи. — Я придержал край дубля и спокойно напомнил. — А пока опись не дописана, накладную не закрыть. Папка с оригиналом у Савельича, дубль у меня. Зубареву ты её не вёз.

Женька замолчал. Он был человек не глупый, он сразу понял, в какую дыру попадает, если папку заберёт. И Савельич понял. Вот только страх у них был разный. У Женьки — страх за ящик. У Савельича — страх за расписку. Зубарев мог спросить не у Женьки. Мог спросить, кто держал папку. И Савельич знал, что спросит. Поэтому он стоял передо мной, с открытым ящиком, и в глазах его было не уважение, а расчёт: кто сегодня умрёт быстрее — он или я?

— Мне нужен дубль. — Я придвинул нижний лист к себе и указал Савельичу на верхний. — Оригинал не трогаю. Если у тебя оригинал, оставляй. Я заберу этот лист.

— Он не мой. — Савельич оттолкнул нижний лист кончиком пальца и отнял руку.

— Он Севин? — Придержал сдвинутую бумагу и вернул на прежнее место.

— Сева сидит. — Лось отодвинул цепь от моего локтя и положил ладонь на ящик. — Сева не придёт.

— Сева сидит. — Я повторил, поднимая глаза на Савельича. — А Зубарев ходит. Это разные вещи.

Женька вдруг выговорил:

— Даня, он же меня сожрёт. — Женька отнял руку от ручки и сунул ладонь под мышку.

— Кто? — Повернулся к нему и переспросил.

— Зубарев. Он за машиной ходил. Спрашивал: не пропала ли расписка. Да куда ей пропасть? Я папку в ящик убрал. — Он вытащил ладонь из-под мышки и указал на папку.

Тут я понял, что расписка в папке была не только Савельичевой поспешностью. Женька сам сказал, что Зубарев ходил за машиной и спрашивал, не пропала ли расписка; это была рабочая зацепка, а не подпись под присягой. Вечером я намеревался проверить её на Зубареве. Женька держал ящик, потому что боялся пропажи груза; Савельич боялся Зубарева; Лось стоял рядом и слышал обоих, и потому молчал. Брелок качнулся, когда Женька дёрнул тележку.

— Брелок, — сказал я, показав на ящик.

Савельич вздрогнул.

— Это не расписка. — Савельич наклонился над цепью и поспешил закрыть брелок рукой.

— Я вижу, что не расписка. Я вижу, что Сева не дурак. Если брелок висел на ящике, он был не для красоты. — Отвёл его руку и наклонился следом.

Лось повернул ещё прикреплённый к цепи брелок, но с цепи не сорвал: металл был тёплый от солнца, стёртый, с выбитой «М» и номером бригады.

— Мазайский. — Женька заглянул через моё плечо и выговорил не сразу. — Старый. Кто повесил, не знаю.

Лось не стал добавлять про Севу и Быка. Металл был настоящий. Откуда он тут — Женька не знал.

— Беру. — Я повернулся к Гире и подозвал его ближе. — При Гире.

Я снял брелок с цепи и зажал его в ладони. Гиря увидел это и кивнул. Вечером, если понадобится, скажу, что его потеряли Быковы люди. Пусть проверят.

— Минута. — Гиря перевернул блокнот на чистый лист и подвинул бумагу к Савельичу.

Женька уже не смотрел на ящик. Он смотрел на папку. Савельич тоже. Они оба поняли: расписка не исчезнет, если её сунуть обратно, но исчезнет их право говорить, что они ничего не знали.

— Пиши. — Я придержал блокнот на ящике и указал Савельичу на чистый лист. — Что папку с бумагами принял от Севы, что нижний дубль расписки выдаёшь мне, а верхний оригинал оставляешь у себя. Пиши именно про дубль, не про всю папку.

— Зачем? — Он отодвинул блокнот и посмотрел на меня.

— Чтобы не было разговора, что украл. Я тебе расписку напишу, а ты мне — свою. — Подвинул лист обратно и подставил ладонь под блокнот.

Савельич схватил карандаш. Рука у него дрогнула.

— Пиши. Если не напишешь, потом в накладной у тебя будет не ящик, а дыра. — Женька упёрся коленом в тележку и наклонился к Савельичу.

Гиря положил лапу на борт, и борт задребезжал. Это был не приказ. Это была просто тяжёлая железка, которая могла уехать. Ящик не мог остаться на дороге.

Савельич написал быстро, путая буквы, как человек, который не привык, что на него смотрят.

— «Папку с бумагами по описи принял от С. Гулько. Нижний дубль расписки выдал Грачу. Верхний оригинал и папка остаются у Савельича.» — Читал вслух, ведя пальцем под последней строкой, чтобы он не думал, что я подправлю потом.

— Это не описание, а оправдание. — Женька потянулся прочитать и отпрянул от листа.

— Так честнее. — Я повернул блокнот к Савельичу и прижал загибающийся край. — Папка остаётся у тебя, оригинал остаётся в папке. Мне нужен только нижний дубль.

— Напиши, что я видел. — Лось придвинулся к бумаге и указал на себя.

— Пиши, что Лось видел. — Я показал на Лося и попросил добавить его имя. — У Лося глаза не боятся.

Савельич подмахнул первый лист из Гирьего блокнота, где было написано его подтверждение, не перечёркивая фамилию. Отдал лист мне — бумага, что он папку с бумагами по

описи держит при себе, а нижний дубль выдал Грачу. Я прочитал вслух, чтобы потом не говорили, что я подправил, и оставил этот лист в руках.

Я положил подтверждение и жетон рядом с дублем на тележку и взял у Савельича карандаш. Тогда же я вырвал второй лист и написал своей рукой: «Принял от Савельича нижний дубль расписки Зубарева о получении автомобиля от Севы Гулько и жетон с ящика. Верхний оригинал и папка остались у Савельича.» Подпись — Данила Грачёв — я поставил сам, ничего не перечёркивая и не заставляя Савельича расписываться за меня. Он прочитал мою расписку, забрал её и подвинул к себе папку с оригиналом. Дубль, Савельичево подтверждение и жетон я забрал с тележки; карандаш вернул Гире.

Лось видел всё распределение: мне дубль и Савельичево подтверждение, Савельичу папка с оригиналом и моя расписка. В эти минуты Женька с Лосем подняли синий ящик с тележки на борт «ГАЗона», обтянули цепью углы и затянули до звона; тележка стояла пустая. Гиря уже сидел за рулём и, не заводя мотора, спросил:

— Зубареву кто скажет? — Гиря сдвинулся за рулём и высунул голову в окно.

— Никто. — Я шагнул к кабине и ответил ему через открытое окно. — У него свои руки. Если захочет — сам спросит.

Гиря кивнул. Дубль, Савельичево подтверждение и жетон пока лежали у меня в ладонях; убирать их было рано, до отхода оставалась последняя минута.

— Даня, а ящик везём? — Женька перехватил борт и повернулся к кабине.

— Везите. Папка с оригиналом у Савельича. Дубль у меня. Расписки на руках, не на словах. — Поднял полученные листы и показал на свободное сиденье.

Гиря посмотрел на свои «Полёт».

— Ноль три. Ноль. Ящик на борту, Женька, в кабину. — Гиря опустил часы и протянулся к ключу зажигания.

Женька сел рядом с Гирей. В семь ноль три загруженный «ГАЗон» тронулся от рядов; до ближней базы две минуты, ворота ещё должны были впустить их до семи ноль пять. Папку с оригиналом Савельич держал у себя, и мою расписку он тоже убрал к себе, не пуская ни то, ни другое в ящик.

Я сложил только нижний дубль и Савельичево подтверждение вчетверо и положил их во внутренний карман бушлата. Туда же лёг жетон, снятый при Гире. После этого жетон не выходил наружу. Лось смотрел на мой карман, а не на ладонь, и не просил показать.

— Что дальше? — Лось шагнул за мной и поравнялся у прохода.

— Дальше будет вечер. — Я задержался у прохода и повернулся к нему. — У Зубарева есть машина, у машины есть бумага, а у меня есть дубль и жетон, который кто-то прицепил к Женькину ящику. К вечеру ему станет тошно думать, что бумага гуляет по площади. А завтра в десять — инспекция. Пусть думает, что я не только на ящики смотрю.

— Он придёт? — Лось склонился ко мне и заглянул в лицо.

— Нет. — Я расправил бушлат на груди и указал в сторону города. — С распиской к нему иду я. Протокол сам не переписывается.

— Сева сидит. — Лось потёр шею и снова перевёл глаза на мой карман.

— Да. — Я прикрыл карман ладонью и отступил от тележки. — Но расписка здесь, не у него в камере. И Зубарев это понимает.

Савельич ушёл в будку весов.

К семи девяти вернулся пустой «ГАЗон». Женьки в кабине не было. Гиря оставался за рулём.

— Женька остался на приёмке. Ящик приняли, ему накладную оформлять. Груз ушёл. — Гиря откинулся на сиденье и указал большим пальцем назад, на базу.

Гиря засмеялся коротко.

— Ты скажешь Зубареву, что это дубль? — Он подвинулся к рулю и освободил мне место в кабине.

— Скажу. — Я подхватил полу бушлата и взялся за дверцу. — Он поймёт, что я не жадный.

Я сел в «ГАЗон». Гирия повёз меня не к контейнеру и не в депо: он выбирал место, где можно было подумать и где меня не ждали. Дорога шла между рядами, между ящиками, между людьми, которые после шести двадцати выбирали, кому кланяться. Не кланялся никто, и это было лучше: я пока не чужой.

В кармане лежал дубль. Я мог положить его на стол и сказать: это не оригинал. Вечером Зубарев должен был сам посмотреть на свой же нижний экземпляр. Главное: дубль лежал в папке Севы и мог выйти на настоящего Зубарева. Эта бумага пугала и держала меня на ходу до вечера.

Гирия остановил «ГАЗон» у обочины, потому что дальше шли люди с мешками. Он посмотрел на часы.

— Семь десять. — Гирия вернул руку на руль и приготовился трогаться.

— Погоди, пока я ещё раз посмотрю дубль. — Я придержал рукав бушлата и нащупал внутренний карман.

Гирия промолчал, только достал сигарету и закурил, глядя на площадь. Я развернул дубль. Сверял по памяти верхний лист: дату восемнадцатое июня, ВАЗ-2109, госномер и косой росчерк с хвостиком. Нижний дубль совпадал строка за строкой, только подпись стояла чуть ниже. Держаться надо было за бумагу: дата, машина, росчерк. Вечером оставалось посмотреть, узнает ли Зубарев свою расписку.

Площадь жила: Серый нес чай, Вован прятал глаза, Лось стоял там, где я его оставил, — человек со своим местом. Сложив дубль обратно, я положил его во внутренний карман; жетон под Савельичевым подтверждением так и не вынимал. Капот Зубаревской машины станет столом, когда на него ляжет эта бумага. А пока я ехал в контору, нужно было не потерять то, что нашёл, и довести вечер до того же капота: я приду к Зубареву, а не он выйдет на площадь.

Суббота начиналась хорошо. До полудня.

Глава 3

На кольцо пришли двое с папкой и сургучом. В предписании значились два адреса: кольцо и проходная. Торговлю приостановить до окончания проверки по ночному делу; в воскресенье в десять — осмотр. Я получил свой экземпляр, а Гиря смотрел, как на щит его окошка лепят красную печать.

— Вчера часы, сегодня сургуч. — Он отвёл руку от щита и повернулся ко мне. — Пожалуйста, Данила, я этим чем сдачу дам?

— Печать не трогай. Ларёк закроют — стол не закроют. — Оглядел свободный асфальт и указал место для столов.

Мазай принёс бумаги ветеранского комитета «Забота». Через знакомого в администрации парка я добился договора на место и разрешения на двухдневную выездную ярмарку 26–27 июля. Тамара согласилась отпустить товар по чекам на комитет, а не на мои опечатанные точки. К вечеру папка была собрана: списки ветеранов, разрешение, договор. Товар поедет к пяти утра, столы поставим перед закрытой дверью. Печати останутся целыми. Проверяющим придётся закрывать не Грача за железным щитом, а стариков перед очередью.

Дождь моросил, асфальт под фонарями блестел. Суббота. Вечер должен был быть спокойным, но пах озонированной бумагой и чужим страхом. Я сидел на переднем сиденье «девятки» — не своей, той самой, служебной, с номерами, которые я знал лучше, чем адрес матери. За рулем Бугай крутил баранку методично, как когда-то месил глину в гаражах: молча, сильно, без лишних движений. Он не спрашивал, зачем мы едем к дому следователя Зубарева. Ему приказали отвезти и ждать сигнала.

— Медленнее, Толя, — сказал я, глядя в зеркало заднего вида. Там отражались мои глаза: чужие и спокойные. — Мы не грабители. Мы гости.

«Гости» — с дублем расписки Зубарева в кармане бушлата. С утра у следователя была версия: поджог заказал Грачёв, чтобы отобрать площадь. Теперь у меня была его собственная подпись под чужой «девяткой». Если он первым доберётся до Савельича, оригинал исчезнет, хранитель забудет всё, а мой дубль объявят подделкой. Поэтому говорить с Зубаревым надо было сегодня, пока он ещё не знал, какая бумага у меня в кармане. Протокол нужно было переписать до понедельника.

Мы свернули в тихий двор пятиэтажки. Свет в окнах первого этажа горел жёлтым, домашним светом. У подъезда стояла та самая синяя «девятка», бортовая, с мигалкой на крыше. Она была припаркована небрежно, чуть боком, будто хозяину было всё равно, что её увидят.

Бугай подрезал её аккуратно, блокируя выезд. Практично — как ставят машину, чтобы освободить место под разгрузку.

— Сиди здесь, — бросил я ему, положив руку на дверную ручку.

— Даня... — начал он, подавшись вперёд.

— Молчи. Просто жди. Если через пять минут не выйду — звони Костину. Скажи, что я задерживаюсь по работе. — Положил ладонь ему на плечо и усадил обратно.

Я вышел из машины; в лицо ударил холод, смешав запах бензина с сыростью гнилых листьев. Обошёл капот нашей «девятки» и направился к служебной машине Зубарева. Стучать в дверь квартиры было бы грубо и слишком заметно: жена могла выйти, соседи посмотреть. Нужно было поймать момент перехода между домом и машиной. Или внутри машины.

Я постучал кулаком по дверце водителя. Раз. Два. Три.

За стеклом шевельнулась тень. Щёлкнул замок, дверца приоткрылась. Пахло табаком «Прима» и валокордином. Следователь Зубарев выглядел уставшим: в кабинете лицо было каменным, здесь, в сумерках двора, — серым и одутловатым, с тенями под глазами. Он посмот-

рел на меня, потом на Бугая, потом снова на меня. Рука дёрнулась к кобуре, которую он не носил вне службы, но привычка осталась. Пальцы метнулись к свистку на цепочке, лежащему на панели.

— Ты чего тут забыл, Грачёв? — Он прижал локоть к дверце и взялся за ручку, готовясь захлопнуть её передо мной; голос был хриплый, резкий.

Я не ответил, только расстегнул брезентовую сумку и достал из неё маленькую детскую фотографию. Выцветшую, с загнутым уголком. На ней мальчик лет семи держал удочку, а за его спиной виднелся плёс Волги.

Я положил снимок на приборную панель, прямо поверх свистка.

Зубарев замер. Пальцы, уже сомкнувшиеся на холодном металле свистка, разжались. Он смотрел на фотографию, как на бомбу. Снимок был частью дела, которое затёрли в восемьдесят девятом году. Этот мальчик был сыном человека, которого Зубарев «не заметил» во время ареста.

— Откуда у тебя это? — Он вытянул шею к снимку и спросил тихо. Тон должности исчез. Остался только голос частного лица, застигнутого врасплох.

— У вас в бардачке лежало, — соврал я, держа руки на виду. Хотя достал я её из архива, который слил один знакомый из районного управления ещё в прошлый вторник. Зубареву это знать необязательно. — Вы её туда положили сами. Чтобы помнить.

Он закрыл глаза на секунду. Открыл — взгляд стал стеклянным.

— Ты пришёл угрожать? — Зубарев развернул фотографию на панели и скосил глаза на меня.

— Я пришёл договариваться, — сказал я и, не спрашивая разрешения, устроился удобнее на пассажирском сиденье. — Сесть можно?

Зубарев молча кивнул. Я захлопнул дверцу. Внутри стало душно, тесно; пахло потом и дешёвым табаком.

— Дело Кузёнка, — начал я, положив ладони на колени.

— Дело Кузёнка ведёт следствие. — Зубарев стиснул руль и отрезал, отвернувшись от снимка. — Ты не имеешь права...

— Имею право знать, что ты ведёшь его к стене, — перебил я, наклонившись к нему. — И имею право помочь тебе обойти этот угол.

Он фыркнул — нервно.

— Помочь мне? Тебе нужна свобода для своего человечка? Для этого парня, который ларьки жёт? — Он откинулся к дверце и потёр ладонью руль.

— Мне нужна тишина. — Я разжал пальцы на коленях и поднял ладони. — Чтобы по протоколу меня не тянули. А тебе нужна жизнь, Геннадий Петрович: не проверка, не тюрьма. Твой двор, машина, жена.

Он сглотнул. Горло дёрнулось. Про перегибы восемьдесят девятого года он знал сам: документы должны были уничтожить, но они остались в архиве, в сейфе одного старого майора, который теперь работал в области. Майор любил пить коньяк и рассказывать про «старые времена».

— Кто тебе рассказал про восемьдесят девятый? — Зубарев потянул ворот рубашки и спросил. Голос дрожал.

— Тебя интересуют источники? — Я улыбнулся, разглядывая побелевшие пальцы на руле. — Последствия проще. Если дело Кузёнка дойдёт до суда в текущем виде, прокурорский надзор начнёт копать глубже. Они найдут связь с другими делами. Например, с делом Гулько, спекулянта, который сидит за мошенничество.

Имя Гулько повисло между нами. Зубарев побледнел. Он знал это имя и знал, что Гулько — не просто мелкий вор, а узелок большой сети, где каждый тянет за каждую ниточку. Одно моё слово — и сеть рванёт в его сторону.

— Ты блефуешь. — Он тряхнул головой и вернул глаза к снимку, но уверенности в них не было.

— Проверь свои карманы. — Я оттянул полу бушлата и показал на внутренний карман. — Точнее, карманы тех, кто тебе платит за «закрытие глаз». Думаешь, я знаю только про восемьдесят девятый?

Я достал из кармана бушлата сложенный листок. Дубль расписки Зубарева о получении от Севы Гулько автомобиля ВАЗ-2109, аккуратный, с подписью самого Зубарева. Машина была оформлена на Севу, но использовал её Зубарев. Серая зона. Нарушение формально мелкое, а в контексте проверки убийственное.

Зубарев схватил бумагу. Его пальцы дрожали. Он читал строчки, и я видел, как в его голове щёлкают замки. Он понял: я могу сделать его фигурантом не только по старому делу, но и по новому. По этому, сегодняшнему.

— Откуда у тебя мой второй экземпляр? — спросил он, переворачивая лист. — Чего хочешь?

— Правду. — Я опустил ладони и сложил руки на коленях. — Но правду удобную.

— Удобной правды не бывает. — Он сжал дубль за края и повернул обратной стороной ко мне.

— Бывает, если её правильно оформить. — Подцепил край листа пальцем и развернул обратно к нему.

Я открыл бардачок: ручки, блокноты, какие-то старые квитанции. Взял синюю шариковую, положил её на колени.

— Выйдем. — Я открыл дверцу и повернулся к сырому двору. — Здесь нам будет мешать жена. И соседи.

Зубарев колебался, смотрел на меня настороженно. Потом вздохнул, толкнул дверь и вышел первым. Я за ним. Мы встали у передней части машины. Капот был холодным, влажным от росы, и свет фонаря над подъездом падал на него так, чтобы было удобно писать.

Я развернул бумагу. Это была не расписка, а чистый лист из блокнота Зубарева, который я незаметно стащил из бардачка. Рядом положил вынутую из сумки копию утреннего протокола допроса Кузёнка.

— Пиши, — сказал я, прижав край листа к капоту.

Зубарев засмеялся. Коротко, истерично.

— Ты серьёзно? Я буду писать новый протокол на капоте своей машины, под диктовку уличного торговца? — Зубарев сверил название копии с чистым листом и поднял на меня глаза.

— Да. — Я кивнул и придвинул к нему ручку. — Именно так.

Он попытался взять бумагу. Я придержал лист за угол, просто не отпуская.

— Пусти! — Он дёрнул лист за угол и рывкнул.

— Сначала условия. — Я прижал лист к капоту и заговорил спокойно. — Ты боишься не меня, Геннадий Петрович. Боишься прокурорского начальника, который завтра увидит этот документ. И того, что твой покровитель в области уже не может тебя защитить, потому что сам занят своим спасением.

Зубарев замер, потом повернулся к подъезду. Я вынул свой дубль из его пальцев и положил рядом с копией протокола, под ладонь.

— Позвоню из квартиры. — Зубарев отошёл от капота и зашагал к подъезду. — Подождёшь. И бумаги не трогай.

Я остался у капота. Бугай следил за подъездом из нашей «девятки», а я придерживал бумаги на мокром железе. Зубарев вернулся через несколько минут. К подъезду он шёл быстро, обратно — медленно.

— Не берёт, — сказал Зубарев, останавливаясь у капота. — Наверное, спит.

На последнем слове голос сорвался.

— Он в командировке. — Я прикрыл ладонью дубль и напомнил. — И не вернётся раньше понедельника. Так что звонить бесполезно. Решать придётся самому.

Я отпустил угол листа. Зубарев схватил ручку, дышал тяжело. Его рука легла на капот; металл охлаждал пальцы.

— Диктуй. — Он придвинул лист под свет фонаря и нацелил ручку на верхнюю строку.

Я наклонился к капоту «девятки». В нескольких шагах, по пути к мусорным бакам, остановился незнакомый молодой мужчина с небольшой коробкой. Из-под коробки раздался короткий щелчок. Я не понял.

— Хулиганские действия, совершённые группой лиц... — начал я медленно, растягивая слова. — ...без применения оружия, с целью запугивания конкурентов. Ущерб минимальный. Соучастники не установлены. Основной организатор — Кузьмин, действовал под давлением обстоятельств...

Зубарев писал. Ручка скрежетала по бумаге под стук капель. Он переписывал ночной поджог в хулиганство и своими руками убирал из протокола заказчика, которого придумал утром.

Скрипнула дверь подъезда; мы оба замерли. Из темноты вышла жена Зубарева — в плаще, с ведром мусора. Она шла мимо, опустив голову. Не заметила нас. Или сделала вид, что не заметила. Шаги удалились к бакам; во дворе остались только капли по капоту.

Зубарев поднял глаза. В них было унижение. Он понял, что его знают: жену, слабости, страхи.

— Готово, — сказал он, кладя ручку обратно в карман.

— Прочитай вслух, — потребовал я, задерживая его у капота.

Он прочитал. Текст звучал абсурдно мягким для ночного поджога. Зубарев снова достал ручку, поставил подпись и только тогда посмотрел на меня.

— Теперь ты свободен. — Я отступил на полшага и заговорил уже тише. — Дело закроют в понедельник. Кузёнок выйдет под подписку. А ты останешься в своей машине, в своём дворе, со своей женой.

Зубарев забрал переписанный протокол и сунул его в портфель на заднем сиденье. Копию старого я сложил и убрал в брезентовую сумку. Дубль расписки я поднял с капота, сложил и переложил во внутренний карман бушлата. Зубарев проводил его глазами.

— Ты забрал дубль. — Зубарев потянулся за бумагой и остановил руку у моего кармана.

— Это моя страховка. — Я разгладил карман и застегнул верхнюю пуговицу бушлата. — Пока ты выполняешь условия, она лежит у меня. Если я узнаю, что ты снова копаешь в мою сторону, или если Савельич скажет лишнее... эта бумага попадёт в руки журналистов. Или в руки того, кто сейчас не берёт трубку.

Я повернулся и пошёл к нашей «девятке». Бугай уже заводил мотор.

— Даня! — крикнул Зубарев, сделав шаг мне вслед.

— Ты заплатишь за это. Когда-нибудь. — Я замер у дверцы и не стал оборачиваться.

Глава 4

— Может быть, — согласился я, открывая дверцу. — Но сегодня ты платишь за своё спокойствие. И оно стоит дешевле, чем ты думаешь.

Я сел в машину и выдохнул. Ладони вспотели; адреналин отступал, оставляя после себя неприятную липкость страха. Ход был опасный, циничный и грязный, но эффективный. Зубарева я не бил и не угрожал ему физической силой. Просто показал, что его может затянуть сегодняшнее дело, и дал переписать протокол.

Бугай тронул машину. Мы выезжали со двора. В зеркале заднего вида Зубарев всё ещё стоял у капота — маленький и одинокий.

Теперь нужно было думать о завтрашнем дне: о проверке ларьков, об инспекторе, который приедет в воскресенье, и о том, как показать району, что опечатанные двери не остановили торговлю Грача.

Пока мы ехали по мокрому городу, я чувствовал вкус победы — горький, металлический, но настоящий. Зубарев теперь мой должник. Не деньгами, а совестью, которую он продал ради спокойного сна.

Пять утра в воскресенье, 26 июля, пахло мокрой пылью и бензином. Мы стояли перед ларьком на кольце: ещё вчера там висела красная печать с сургучом, а сегодня на асфальте лежали наши столы. Не деревянные, как в совхозных столовых, а стальные, крашенные в тёмно-зелёный цвет, чтобы не резали глаз. Гиря молча разгружал фуру Тамары, вытаскивая коробки с солью, спичками и консервами. Бугай держал дверь машины открытой, хотя ветер уже гнал по двору обрывки газет.

Я смотрел на опечатанную дверь ларька. Печать цела. Если я её трону — стану фигурантом. Если не открою — потеряю день. Деньги. Доверие бригады. К девяти тридцати разгрузка почти дошла до конца.

— Даня, у нас полчаса до приезда инспекции, к десяти. — Голос у Гири был сухой. Он бросил коробку с сахаром на стол, и та глухо ударилась о металл. — Товар из ларьков не возьмём. Склад закрыт ключами, которые я не имею права открывать.

Я кивнул. Ключи были у меня в кармане, но замок ничего не решал: решала бумага. Инспектор не спрашивает, кто владелец товара. Его интересует, законна ли продажа. Ответ нужен такой, чтобы вопросов не осталось.

— Мазай где? — Я придержал коробку с краю стола и спросил.

— На месте. Орет на гармониста. — Гиря сдвинул сахар к углу и показал за поворот.

Гармонист был нужен для шума, чтобы толпа собралась раньше, чем инспекция поймёт, что здесь происходит. Но Мазай требовал не только музыки, а «смысла». Ветераны не будут торговать просто так. Они будут продавать «за Родину», «за правду», «чтобы внуки ели нормально». Эта тема была его валютой, и он хотел потратить её достойно.

Мазай появился из-за угла в клетчатом пиджаке, который он надевал по праздникам или когда чувствовал себя хозяином положения. Сейчас он выглядел так, будто наконец нашёл работу по душе. За ним тащились двое парней из его бывшей бригады, теперь моих грузчиков, и несли плакат: «ВЫЕЗДНАЯ ТОРГОВАЯ ЯРМАРКА ВЕТЕРАНСКОГО КОМИТЕТА». Буквы были крупные, но неровные, краской по холсту.

— Грач! — Мазай хлопнул меня по плечу так, что я покачнулся. — Программа готова. Гармонь есть. Плакаты есть. Столы стоят. Что дальше?

— Дальше ждём гостей. — Я проверил печать и вернулся к столам. — И не трогаем печати. Ни руками, ни глазами.

— Печати целы, товар лежит снаружи. Это не нарушение, это... сервис. — Мазай принял плакат у парней и развернул к дороге.

Мазай хитро улыбнулся. Он понимал схему лучше, чем многие юристы. Ларёк закрыт, торговля ведётся не внутри ларька, а на улице, под навесом, который поставили ветераны. Формально мы ничего не делаем незаконного. Мы просто продаём свой товар в общественном месте. А то, что это «общественное» место примыкает к нашей частной собственности, — мелочи.

Фура Тамары всё ещё стояла во дворе. Она сама вышла из кабины, закурила, глядя на наших людей с презрением, смешанным с любопытством. Её грузовики стояли пустыми на обочине, перекупщики уже побежали к нам. Тамара знала, что теряет деньги прямо сейчас, каждую минуту. Но она также знала, что если я проиграю эту проверку, она получит шанс вернуться. Или остаться. Пока ей нужно было моё слово.

— Данила Павлович. — Тамара подошла ближе, стряхивая пепел. — Твой фокус с ярмаркой... он сработает? Инспектор не дурак.

— Инспектор боится скандала больше, чем нарушения. — Я оглянулся на ряд столов и ответил. — Здесь будут ветераны. Будет плакат. Будет очередь. Если он попытается закрыть ярмарку, ему придётся объяснять городу, почему он мешает старикам кормить внуков. А за это спросят сильнее, чем за закрытый ларёк.

Тамара затянулась и фыркнула. — Ты всегда так думаешь, будто все вокруг дети малые?

— Он не ребёнок. — Я пропустил между нами покупательницу и показал Тамаре на растущую очередь. — Просто ему дороже своё место, чем чужой ларёк. А я показал, где это место можно потерять.

Гиря закончил раскладывать товар. На столах появились банки тушёнки, мешочки с солью, пачки макарон. Всё простое, нужное. Люди начали сходитьсь: сначала один-два человека, потом пятеро, потом десятки. Очередь вытянулась вдоль забора, отделяющего двор от проезжей части. Кто-то крикнул: «Грачёвские цены!» — и толпа загудела. В этом гуле уже слышались деньги.

Часы показывали десять. Из-за поворота показалась синяя «девятка». Она медленно ползла вдоль очереди. За ней — вторая машина, служебная, с антенной на крыше. Инспекция.

Я вышел вперёд. Руки в карманах бушлата, лицо спокойное. Мазай тут же начал изображать игру на гармонии, хотя сам не умел, но делал вид, что дирижирует оркестром. Его гармонист, лысый дядя Вася, тянул весёлые ноты. Толпа аплодировала. Инспектор вышел из машины. Молодой парень лет двадцати пяти, в чистой форме, с блокнотом в руках. За ним шёл постарше, майор, с хмурым лицом.

— Добрый день, товарищи! — громко сказал я, подходя к ним. Голос был поставленным, учительским. — Рады приветствовать представителей контролирующих органов на нашей выездной ярмарке ветеранского комитета Канавинского района.

Майор посмотрел на меня, на ларёк с печатью, на столы с товаром. — Это ваши ларьки? — спросил он сухо.

— Наши. — Я показал на закрытые двери и подтвердил. — Опечатанные по предписанию. Нарушений нет. Объекты закрыты.

— А товар откуда? — Майор подошёл к столу и указал на тушёнку.

— Ветераны собрали средства, купили товар у надёжных партнёров. — Я показал на Тамару, которая стояла в стороне, делая вид, что курит. — Организация «Забота». У нас есть чеки. Есть договор аренды места под ярмарку с администрацией парка культуры. Всё легально.

Майор помрачнел. Он ждал хаоса, спора, криков. А получил праздник. Гармонь играла. Старухи в платках улыбались. Очередь терпеливо ждала.

Молодой инспектор шагнул к столу. — Покажите документы, — потребовал он.

Мазай, словно только этого и ждал, достал из-под стола папку. Внутри были аккуратно подшитые бумаги: акт осмотра территории, разрешение на проведение мероприятия (подпись чиновника, которого я нашёл через знакомых), чеки на закупку товара от Тамары, списки

участников ветеранской организации. Всё чисто. Всё красиво. Даже гербовая печать на первом листе сияла синевой.

Инспекторы переглянулись. Майор взял папку, пролистал. Лицо его становилось всё более бесстрастным. Он искал дыру. Не находил.

— Почему торговля идёт вне ларьков? — спросил он, возвращая папку.

— Потому что ларьки закрыты. — Я показал на очередь и ответил просто. — Но людям нужна еда. Ветераны решили помочь. Это гражданская инициатива. Вы против?

Майор перевёл взгляд на очередь, на старух с авоськами, на гармонь. Отказаться от торговли значило сказать «нет» ветеранам, очереди из ста человек, шуму и вниманию прессы, которую я уже предупредил через бабу Зину — она звонила в местную газету. Инспектор не мог рисковать.

— Нет, — буркнул майор, отступая от прилавка. — Инициатива поощряется. Соблюдайте порядок.

Он повернулся и пошёл к машине. Молодой инспектор замялся, посмотрел на меня, потом тоже пошёл следом. Машины уехали. Толпа выдохнула и снова полезла к прилавкам.

День начался.

К двум часам дня выручка превысила недельную норму одного ларька. Гиря сидел за центральным столом, считая деньги. Его пальцы двигались быстро, ловко. Рядом стояла Светлана Фомична — Костина сестра, торговка ларька у больницы, который я с пятницы передал ей. Она была бледна, руки дрожали.

— Андрей, я не могу, — шептала она, прижимая ладони к переднику. — Они кричат. Давай сдачу. Быстро.

Гиря не отвечал. Он давал ей возможность ошибиться — это была часть плана. Светлану Фомичну учили торговать на деле, а не на словах.

— Банка тушёнки, — мальчишка лет двенадцати подбежал к столу и протянул мятую пятёрку.

— Это не пятёрка, — Светлана Фомична взяла купюру и повернула её другой стороной: оборот был совершенно пустой.

— Как это?! — вскрикнул мальчик, потянувшись за бумажкой. — Папа дал!

Очередь заволновалась. — Аферист! — выкрикнул кто-то сзади, налегая на стоящих впереди. Мальчик побледнел и попытался забрать деньги обратно.

Светлана Фомична выпрямилась. Её обычно тихий голос вдруг прогремел над толпой — я даже перестал слышать гармонию.

— Молчать! — она подняла голову и обвела очередь таким взглядом, что передние отпрянули от стола.

Все замерли. Гармонь стихла. Даже Гиря поднял глаза от кассы.

— Посмотри на меня. Ты хочешь получить товар за фантик? — Светлана Фомична шагнула к мальчику и перехватила его руку, не давая выхватить бумажку.

— Я... это настоящие! — мальчик замялся и показал подбородком назад.

— Смотри, — она развернула бумажку к мальчишке, а потом подняла её так, чтобы видел весь двор. — Спереди цифра, а сзади ни печати, ни линий. Это не настоящая. Кто тебе сунул белый фантик? — В голосе стало железо. — Родители где? Кто учил?

Положила на стол.

Из толпы высунулась голова мужика с рыжими волосами — перекупщик Тамары, тот, что крутился утром. Он пытался подсунуть фальшивку, пользуясь тем, что торговка растеряна.

— Эй, бабка, не порти настроение! — крикнул он, выставив подбородок. — Отдай банку!

— Ты, рыжий. Иди сюда, — Светлана Фомична отыскала его в толпе и поманила свободной рукой.

Мужик не двинулся. Очередь начала шептаться. Кто-то толкнул его в спину.

— Иди сюда, говорю! — она повысила голос и вытянула руку поверх прилавка. Тон был такой, каким дома обрывают чужого, если за спиной двое своих.

— Ну, чё случилось? — мужик подошёл и развёл руки, всё ещё пытаясь улыбаться.

— Ты ведь считал меня растерянной. Доставай свою бумажку. Сам, — она заметила его сжатый кулак и указала на стол.

Мужик дёрнулся было спрятать кулак, но очередь молчала, и он, проворчав, разжал его: вторая пятёрка легла рядом с детской.

— Ну, рыжий, тебе тушёнка за белый лист? Или сам не знаешь, чем потешаешься? — она перевернула обе бумажки и придвинула их к нему чистыми сторонами вверх.

— Шутка была... — мужик потянулся к своим фантикам, но осёкся под её взглядом.

— Шутка? — Светлана Фомична рассмеялась и придержала его бумажки на столе. — Пацан у тебя фантик принёс, а ты за его спиной прятался. Я тебя отсюда выгоню. А если ещё раз сунешься — выгону так, что твои перекупщики в обход меня пойдут.

— Люди добрые! Этот человек пытается вас обмануть! Хотите ли вы покупать товар у вора? — она развернулась к толпе и отодвинула тушёнку от рыжего.

— Нет! — закричали из очереди, подаваясь к столу.

— Прочь отсюда! — сказала Светлана Фомична, указывая пальцем на выход из двора.

Мужик попятился. Его лицо стало серым. Он схватил свои купюры и побежал. Очередь проводила его свистом. Кто-то бросил вслед пустую бутылку.

— Ничего себе... — Гиря присвистнул и оторвал пальцы от недосчитанной пачки.

— Я... я справилась? — Светлана Фомична опустила на табурет и спрятала под передник задрожавшие руки.

— Справилась, — сказал я, подходя к ней. — Ты стала легендой. Теперь они будут бояться тебя больше, чем меня.

Она посмотрела на меня исподлобья. В глазах мелькнуло что-то новое — гордость.

К вечеру, когда солнце начало клониться к горизонту, подвели итоги. Инспекция уехала. Нарушений не нашли. Выручка составила восемь тысяч рублей. Бригада работала слаженно. Мазай ходил важный, раздавая указания гармонисту.

Тамара появилась около шести. Она шла медленно, осматривая пустые прилавки. Товар кончился. Очередь разошлась.

— Ну что, Грач? — спросила она, останавливаясь напротив меня. — Показал фокус.

— Фокус удался, — я достал деньги и отсчитал ей причитающееся. — Ты получила свою долю за товар. Плюс пять процентов сверху.

— Сверху? Почему? — Тамара приподняла брови и задержала руку над деньгами.

— Потому что ты помогла скрыть следы. Если бы твоя фура не пришла вовремя, мы бы не успели заполнить столы. Ты была частью схемы, — я подвинул к ней отсчитанное и убрал остальную выручку.

— Ты всегда так считаешь людей? Как цифры в таблице? — Тамара усмехнулась и собрала деньги.

— Не всех, — я расправил пустой край скатерти и прижал его ладонью. — Но за лишние пять процентов спорить не будешь.

— Ларьки. Когда их откроют? — она спрятала расчёт и понизила голос, кивнув в сторону печатей.

— Не знаю. Проверка может затянуться. Но торговля продолжится. Завтра, в понедельник, 27 июля, тоже постоим, а после первой ярмарки — только по воскресеньям. — Я проследил за её взглядом и остановился возле опечатанной двери.

— Постоянная ярмарка? — Тамара отошла от двери и оглядела опустевшую площадку. — Без ларьков?

— Без ларьков. На улице. Под печатью, но живая, — я повёл рукой вдоль прилавков и указал на оставшиеся столы.

— Тебе это выгодно? Больше, чем открыть ларьки? — она вернулась ко мне и задержала взгляд на убранных деньгах.

— Выгоднее, Тамара Лукинична. Ларьки опечатаны, печатей я не срывал, а торговля всё равно идёт на ярмарке. Мне незачем вскрывать пломбы и начинать дело заново — оно у меня уже на ходу. — Я отступил от двери и пропустил Гирю к столам.

— Хорошо. Я буду поставлять товар на ярмарку. Каждую неделю. Но цена... — Тамара кивнула и снова приблизилась, не давая мне уйти к бригаде.

Глава 5

— Цена остаётся прежней. Но ты получаешь эксклюзив на поставки. Никто другой не будет возить сюда соль и сахар. Только ты. — Я развернулся к ней и протянул руку.

Это была сделка: она теряла монополию на ларьки, но получала гарантированный рынок и статус «поставщика Грача». Для Тамары статус стоил дороже наличных.

— Договорились, — она приняла мою руку и крепко стиснула пальцы.

— И ещё одно, Тамара Лукинична. Твои перекупщики больше не появятся. Если увидишь кого-то из них на ярмарке — скажи Светлане Фомичне. Она знает, что делать, — я удержал рукопожатие и наклонился к ней, чтобы слышала только она.

— Костина сестра, вдова, оказалась пострашнее тебя, — Тамара усмехнулась и освободила руку.

— Громкая очередь и Костина сестра действуют быстрее юристов, — я кивнул на центральный стол и проводил её до прохода.

Она развернулась и пошла к своей машине. Я смотрел ей вслед. Эта женщина была опасна. Сегодня она стала моей: не другом, зато надёжным инструментом.

Вечером после шести было ещё светло: мы остались одни на площадке. Гиря складывал столы. Мазай курил, любуясь результатами. Бугай проверял замок на ларьке.

— Красиво, — Мазай стряхнул пепел и оглядел площадку. — Прямо как в советское время. Только товары не дефицитные.

— Дефицит был, — возразил Гиря, складывая стол. — Хорошие люди.

— Хорошие люди всегда дефицит, — Мазай засмеялся и посторонился, пропуская его со столом.

— Сегодня уберём столы на ночь, завтра снова выставим. А завтра же, после ярмарки, — подчистую, только печать не тронем, — я подошёл к ним и придержал край стола.

— Сделаем, — Гиря перехватил стол удобнее и понёс к остальным.

В этот момент в углу, рядом с мусорным контейнером, стояла коробка. Обычная картонная, из-под школьных тетрадей. На ней — белый ярлык с синей рамкой. Гиря тоже её заметил.

— Чья это? — он остановился у коробки и нагнулся к ярлыку.

— Не наша, — я отошёл от столов и обернулся к Мазаю. — Реквизит, наверное. Мазай, ты привозил какие-то старые доски для стендов?

— Да, пару старых щитов из клуба. Может, там что-то завалилось, — Мазай почесал затылок и двинулся следом за нами.

— Даня. Иди сюда, — Гиря прочитал ярлык и подвинул коробку из-за контейнера. Лицо у него изменилось.

Я подошёл. На ярлыке было написано: «ЦК КПСС. Канцелярия. Тираж № 4502. Гриф: Для служебного пользования».

— Это не щиты, — Гиря понизил голос и приоткрыл крышку. — Это дневники. Райкома. Старые. За прошлый год. Их выбросили, когда типографию закрыли.

Я взял коробку. Она была лёгкой. Внутри — стопки тетрадей в синих обложках, на каждой герб СССР и номер. Мусор, но с грифом, именем и историей.

— Зачем тебе это? — Мазай заглянул внутрь и потрогал синюю обложку.

— Не мне, — я поднял верхнюю тетрадь и проверил листы. — Это сырё.

До первого сентября нужны будут горы таких тетрадей. Эльвира Николаевна не стала бы искать импортную мишуру, если можно получить простую советскую бумагу нужного формата. Эту коробку считали мусором. Я уже прикидывал, сколько такого мусора осталось на складе и кто держит ключи.

— Гиря, — я вернул тетрадь в коробку и передал её ему. — Забери коробку. Отвези на склад. Спрячь подальше. Никому не показывай.

Гиря кивнул. Он понял быстрее всех.

— Что там? Секретная схема переворота? — Мазай проводил коробку взглядом и заглянул мне в лицо.

— Почти, — я усмехнулся и оттеснил его плечом от прохода. — Секретная схема успеха.

В половине седьмого вечера подошёл посыльный — юноша в штатском, с папкой под мышкой. — Игорь Фомич ждёт в семь. Кабинет на дому. Просил передать, что чай уже заварен, — он отыскал меня среди столов и остановился, прижав папку к боку.

Я кивнул. Костин. Время платить по счетам. Но сначала — домой.

По дороге я остановился у киоска «Союзпечать», купил пачку сигарет. Прикурив, посмотрел на город: огни витрин, трамваи, толпы людей — всё своим чередом. Но за сегодняшнюю победу уже к семи придётся платить. Я подпишу бумагу, которая изменит мою судьбу навсегда.

Но площадь была моей: ярмарка торговала, враги биты, союзники довольны. А пока — только адрес типографского склада, перспектива, до которой я ещё не дотянулся.

Жизнь налаживалась: боль, расчёты, маленькие победы, из которых складывалась сила.

— Домой, — я сел в машину Бугая и притянул за собой дверцу.

Машина тронулась. Город остался позади. Воскресный день ярмарки завершился. В семь ждал Костин.

Валокордин пахнет так, будто его разливают по чайным ложкам и выдыхают каждому в нос. Или это казённое мыло? «Невский», серое, как асфальт после дождя, перебивает всё: запах табака из пепельницы, дух старой бумаги, пропитавшей стены служебной квартиры майора Костина, и даже мой пот, высохший за дорогу от гаражей Сормовичей.

Я стою у порога в семь вечера, в воскресенье, 26 июля. Не вхожу. Жду приглашения. Первый визит к человеку, который держит тебя за горло одной рукой, а другой подписывает талоны на еду для всей милиции города, не терпит самовольности. Игорь Фомич сидит за столом, заваленным папками с грифом «ДСП». Он не поднимает глаз. Толстые пальцы с коротко стриженными ногтями медленно перелистывают листы; сухой шорох бумаги заполняет комнату громче гула холодильника на кухне.

— Проходи, Даня, — говорит он, перелистывая папку. Голос хриплый, сорванный сигаретой и бессонницей. — Дверь закрой. Сквозняк мне ни к чему. Проверка дышит в затылок.

Я закрываю дверь; щелчок замка отдается в тишине. Комната маленькая, три на четыре метра. Диван под пледом с оленями, стол, стул с продавленным дерматином. На стене покосившийся портрет Горького. В углу — «Вега», молчащая. Всё казённое, но в своей беспощадности уютное; здесь решаются судьбы тех, кто приходит просить защиты или купить её.

Я делаю шаг внутрь и останавливаю взгляд на столе: только одна кружка с надписью «МВД СССР» и термос, из которого идёт пар; чашек и сахара нет.

— Садись, — Костин наконец поворачивается и отодвигает ногой стул. Лицо обветрено, под глазами фиолетовые синяки. Он выглядит на пятьдесят, хотя ему сорок два. Ночная работа старит быстрее виски. — Чай будешь? Или сразу к делу? Ты человек занятой, я знаю. У тебя площадь кипит, ларьки звенят монетой. Мне же тут, в четырёх стенах, приходится считать убытки.

Он кладёт на стол перед собой бумажный пакетик. Аккуратно, двумя пальцами. Выдвигает его ко мне.

— Что это? — я подцепляю край пакета и придвигаю его к себе. Голос ровный; внутри всё ещё кричит.

— Приказ о проведении служебного расследования, — Костин придерживает пакет и постукивает ногтем по сгибу. — По факту ночных событий у проходной оборонного завода.

Поджог. Хулиганство. Превышение полномочий... моими подчинёнными, если бы они были там вовремя. Но я ждал у заводских ворот и выехал на сигнал сам. Был ты. И твои люди.

Я смотрю на пакет. Затем на Костина.

— Игорь Фомич, — я оставляю пакет на столе и убираю с него руку, — я пришёл сказать спасибо: за закрытые глаза на шум, за то, что выехал на сигнал и задержал сам, за то, что ночью ограничился задержанием и не стал вызывать следственную группу, которая превратила бы праздник площади в траурную церемонию для всех участников.

Костин долго разглядывает меня, не отвечая.

— В девятьсот девяносто втором году «спасибо» стоит слишком дорого, Грач. Ты это знаешь лучше меня. Давай не будем играть в вежливость. Ты пришёл, чтобы я продолжал прикрывать твой тыл, пока ты считаешь барыши? — Костин усмехается и отодвигает пакет за край папки.

— Пришёл, — я расправляю куртку и откидываюсь на стуле. — Но ты ведь знаешь, чего я не люблю: когда за чужое молчание хотят забрать всё.

— Значит, есть что предложить? — Костин открывает ящик и достаёт стопку бумаг. Не приказ, а просто чистые бланки с гербовыми печатями в углах. Он кладёт их рядом с пакетом.

Я вижу, как он уже прикинул: сколько с меня можно выжать сегодня и что из этого не вернётся.

— У меня есть предложение, — я расстёгиваю куртку и отвожу её полу в сторону. В кармане куртки лежит тяжёлый кошелёк — семь тысяч рублей, заработанных за последние три дня. — Я могу помочь с ремонтом ветеранского клуба. Мазай сказал: крыша течёт, окна разбиты, старикам стыдно собираться. Я дам материалы, поставлю рабочих, официально — через благотворительный фонд. Никто не подкопается.

Костин слушает молча, пальцы лежат на краю стола. Когда я заканчиваю, он берёт дешёвую синюю шариковую ручку и начинает писать на одном из чистых бланков.

— Ремонт клуба — это хорошо, — он дописывает строку и отодвигает бланк от края. — Но клуб на моём участке. Значит, табличка, отчёт, слова перед ветеранами — мои. Твои рабочие выходят под моим патронатом. Устроит?

— Табличку отдаю, — я подаюсь к столу и читаю написанное. — Рабочие выйдут на ремонт клуба. Ты не берёшь деньги напрямую и не берёшь всё до последней копейки, это уже разговор. Но я не на коленях.

— А услуги? — спрашивает он, поднимая глаза. Взгляд цепкий, оценивающий. — Ты можешь дать информацию? Кто стоял за Кузей? Где Вадик? Что там у школы было?

— Информации у меня нет, — я возвращаю ему бланк и упираюсь ладонями в колени. — Вадик бежал в Москву. Кузя сломен. У школы только ларёк вскрыли и мелочь забрали, а пожар у проходной был делом рук его бригады, которую я перехватил. Больше знать нечего.

Костин кладёт ручку. Бумага исписана мелким, угловатым почерком.

— Значит, деньги мне не нужны. Информация — пустая. Что же ты принёс, Данила Павлович? Кроме своего носа? — Он сдвигает бумаги в одну стопку и выжидающе кладёт на них ручку.

Я поднимаюсь со стула и делаю шаг к столу. Передо мной проект соглашения.

«Соглашение о взаимодействии и территориальном распределении ответственности».

— Я несу площадь, — я указываю на бланк и поворачиваю его к майору. — Торговля идёт. Люди торгуют. Ни драк, ни чужого рэкета. Это выгодно всем. И тебе тоже. Тебе нужен район, где тебя не дергают сверху вопросами: «почему там кровь?»

Костин медленно кивает.

— Порядок — слово красивое. Но порядок имеет границы. Как географические, так и политические. — Костин прижимает проект к столу и разворачивает его ко мне.

Он протягивает мне бумагу. Я беру её. Текст сухой, юридический; от него режет язык.

«Настоящим фиксируется, что в целях обеспечения стабильной оперативной обстановки на территории Канавинского района города Нижнего Новгорода, лицо, именуемое далее „Координатор“ (Грачёв Д.П.), обязуется не осуществлять коммерческой и иной деятельности, выходящей за рамки ранее согласованных точек продаж, на территории, ограниченной улицами...»

Я читаю названия улиц, взгляд скользит по строчкам и останавливается.

Улица Литвинова. Переулок за Домом культуры. Проезд к старым складам типографии райкома.

Зубарева в списке нет. Зато есть множество других улиц: целый квартал, где живут чиновники, стоят государственные магазины и ходит народ, который не платит дань частникам, потому что боится государства.

Это ловушка.

— Объясни, — я выпрямляюсь и прижимаю пальцем перечень улиц. — Почему я не могу зайти на эти улицы? Там нет моих ларьков, там нет конкуренции.

Костин откидывается на спинку стула. Дерматин скрипит.

— Там есть мои люди, Даня, — Костин снимает мой палец со строки и придвигает лист обратно. — Мои связи. Мои должники. Зайдешь туда со своим «ГРАЧЕМ», с ценами ниже государственных, со своими выгрузками раньше их смены — что будет? Государственные не разорятся. Они напишут жалобы. Жалобы — прокурору. А прокурору нужен крайний. Я. Майор Костин, который «не уследил за спекулянтами».

Он делает паузу.

— Поэтому, — он разглаживает сгиб и кладёт ручку поперёк листа, — чтобы я мог продолжать «следить» за тобой, оставляя тебя в покое на твоей площади, ты должен оставить меня в покое на моей территории. Эксклюзивность. Ты — хозяин кольца. Я — гарант стабильности вокруг него.

— Это кабала, — я отпускаю край бумаги и сажусь обратно.

— Это бизнес, — Костин подбирает ручку и указывает ею на список. — Кабала — это когда тебя бьют и берут всё до последней копейки. Патронаж — это когда ты платишь за безопасность. Ты покупаешь у меня право быть спокойным. Дёшево, кстати. Посмотри на список: теряешь двадцать процентов рынка, но сохраняешь восемьдесят. Плюс получаешь иммунитет от проверок — от тех, которые придут к тебе в понедельник, если я не подпишу эту бумагу.

Я смотрю на него. Он знает про сегодняшнюю инспекцию, знает, что я играл в ярмарку и использовал ветеранов как щит. Теперь требует свою долю щита.

— А если я откажусь? — я отодвигаюсь от стола и смотрю ему в лицо.

Костин впервые за вечер улыбается: широкой, зубастой, неприятной улыбкой.

— Тогда, — он опускает ручку и сцепляет пальцы на животе, — завтра утром ко мне придёт участковый из другого отдела. С предписанием проверить все ларьки на соответствие санитарным нормам. Все. Одновременно. И найдут. Всегда находят. Крысы в мешках с мукой. Просроченные консервы. Отсутствие ценников. Твои ларьки опечатают на месяц. Месяц — это смерть для торговли в жару. Товар испортится. Долги вырастут. Бригада разбежится. А я останусь в стороне. Чистенький. Со своим ветеранским клубом, который ты отремонтировал.

Он прав. Полностью. Я выиграл битву за площадь, но для существования мне не хватает ресурсов: связей в администрации и иммунитета от государства. Уличной силой от бумаги не закрыться.

Но этот блок улиц — склад канцтоваров, типография, Тамара. Там сейчас только пустые коробки и пыль. А потерять туда доступ навсегда...

Альтернатива страшнее: один склад — против всей сети ларьков, тюрьмы для Гири и Бугая и конца всего бизнеса.

Выбирать нужно прямо сейчас...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.